

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА

© 1995 г., ЭО, № 4

Э. Л. Нитобург

США: «ИСЧЕЗАЮЩИЙ АМЕРИКАНСКИЙ ЕВРЕЙ»? ИНТЕГРАЦИЯ ИЛИ АССИМИЛЯЦИЯ?

Современное еврейское население США сложилось в процессе более чем трехвековой иммиграции евреев туда из Европы, Ближнего Востока и Латинской Америки, который условно, на наш взгляд, можно разделить на 5 основных этапов: 1) с середины XVII до первой четверти XIX в.; 2) с 30-х до конца 70-х годов XIX в.; 3) с 1881 до 1924 г.; 4) с 1925 до конца 1960-х годов; 5) с 1970 г. до настоящего времени. Первыми евреями, попавшими в основанный в 1626 г. голландцами в устье р. Гудзон г. Новый Амстердам, оказалась группа евреев-сефардов, бежавших в 1654 г. из Бразилии. В 1664 г. этот город был захвачен англичанами, переименовавшими его в Нью-Йорк. В последующие 80 лет в различные североамериканские колонии Англии прибыло еще несколько групп евреев-сефардов, но затем там стало расти число евреев-ашкеназов^{*}, прибывших из германских государств. Поскольку тех и других было мало, они не были организованной группой и жили в разных колониях, это значительно ускорило их ассимиляцию. К началу войны за независимость (1775—1783 гг.) число евреев во всех 13 колониях не превышало 2 тыс. После образования США лица иудейского вероисповедания были уравниены в правах с христианами. К 1826 г. там насчитывалось 6 тыс. евреев¹.

С 30-х годов XIX в. началась новая волна иммиграции в США евреев из Баварии, Бадена, Вюртемберга и других германских государств, а также из Прусской Польши и Австрийской империи. Эмансипация евреев во Франции, наполеоновские реформы и другие политические события в Европе наложили на них свой отпечаток. Они селились не только в штатах Северо-Востока, но также на Юге и Западе. С 1815 по 1890 г. в США прибыло около 5 млн. немецких иммигрантов, в том числе около 200 тыс. немецких евреев. В 1848 г. их насчитывалось 50 тыс., в 1865 г. — 150 тыс., а к 1878 г. — 250 тыс. Американцы воспринимали их как немцев и почти не дискриминировали. Высокая степень рассеяния облегчала немецким евреям адаптацию, да и сами они стремились побыстрее «американизироваться», в том числе путем смешанных браков с неевреями либо переходя в протестантство. К концу XIX в. среди германо-американских евреев уже сложились свой средний класс и финансовая элита².

Лидеры немецких евреев в Америке стремились завершить начатую еврейским высшим слоем во Франции и Германии еще на рубеже XIX в. реформу традиционного иудаизма и ввиду явной непригодности его к американским условиям второй половины XIX в. к концу века реформированный иудаизм постепенно стал народной религией германо-американских евреев. Реформаторы добились изменения устаревших обрядов и ритуалов, отказа от богослужения на иврите, от соблюдения ряда религиозных предписаний, регламентировавших жизнь и быт верующих. Были внесены изменения в литургию службы и декоративное украшение храма (*temple*), как они стали назы-

^{*} Термин *сефард* произошел от средневекового названия на иврите Пиренейского полуострова (С''фарад), а термин *ашкеназ* — от названия на иврите Германии (Ашкеназ).

вать свои синагоги. В нем ввели орган и хор, службу на английском языке, отменили сегрегацию женщин и т. д.³

Начавшуюся в 80-е годы XIX в. и продолжавшуюся 40 лет массовую иммиграцию в США евреев из стран Восточной Европы называли иногда крупнейшей после их «исхода из Египта» в древности. С 1881 по 1924 г. в США прибыло около 2,5 млн. евреев-иммигрантов и 80% их были восточноевропейского происхождения, в том числе $\frac{2}{3}$ — выходцы из России⁴. В отличие от потомков немецких евреев, прибывавших в XIX в. в США как часть общей немецкой иммиграции, русские, польские, литовские, галицийские, румынские евреи в большинстве своем приезжали из местечек и небольших городков и казались германо-американским евреям-старожилам «неотесанными», «слишком религиозными и шумливыми», а их язык идиш с его восточноевропейскими особенностями — «свинским жаргоном». Но различия не ограничивались языком и культурой, а касались и религии, ибо ортодоксальные религиозные круги восточноевропейских евреев категорически отвергли реформу иудаизма. Кроме того, большинство восточноевропейских евреев пополнило в то время ряды рабочего класса, тогда как большинство германоамериканских евреев представляли средний класс и буржуазию. Иначе говоря, социальное расслоение совпадало с этническим⁵.

Однако и сами восточноевропейские еврей-иммигранты отнюдь не были единым монолитом. Хотя они говорили на идише, который, несмотря на разные его диалекты и региональные особенности, объединял их, придавая им чувство идентичности, тем не менее это были выходцы из разных стран, представители различных еврейских этнических групп, в той или иной степени затронутых процессами ассимиляции в стране исхода. Поэтому культурные различия в среде восточноевропейских евреев вначале также были весьма существенными. Сглаживались и исчезали они лишь в процессе постепенной американизации и смены поколений в еврейском населении США⁶.

Ускорению процесса американизации восточноевропейских евреев-иммигрантов и их потомков, особенно после первой мировой войны, способствовали такие факторы, как повышение их образовательного уровня и социально-экономического статуса, принятие иммиграционных законов 1921 и 1924 гг., жестко ограничивших въезд в США евреев-иммигрантов, а также нараставший там с начала XX в. и достигший пика в 20—30-х годах антисемитизм. По мере того как образовательный, профессиональный, культурный уровень и социально-экономический статус потомков евреев-иммигрантов восточноевропейского происхождения повышался, культурные различия между ними и германоамериканскими евреями, так же как и среди потомков самих восточноевропейских евреев, уменьшались, а этническое смешение в результате браков между теми и другими увеличивалось. Общие интересы, заботы и тревоги помогали сглаживанию различий. Погромы в России и Румынии в первой четверти XX в. вызывали общие кампании протеста со стороны всех евреев в Америке. Сближению их и стиранию различий способствовала также совместная оборона против набравшего силу антисемитизма в США, о чем свидетельствует появление там таких крупных (существующих и по сей день) общееврейских организаций, как Американский еврейский комитет (1906 г.), Антидиффамационная лига (1913 г.), Американский еврейский конгресс (1918 г.), Объединенный еврейский призыв (1939 г.) и др.

Таким образом, несмотря на отчуждение в конце XIX — начале XX в. между различавшимися культурами германоамериканских и восточноевропейских евреев, та и другая в Америке постоянно взаимодействовали, да и само американское окружение за несколько последующих десятилетий глубоко изменило их. Уже к началу 30-х годов евреи в США представляли собой складывающуюся новую этническую группу. Приход к власти в Германии нацизма и уничтожение в Европе 6 млн. евреев (Холокост) лишь ускорили консолидацию рождавшейся американской еврейской этнической общности, основу которой к середине XX в. составляли потомки восточноевропейских евреев, оказавшие к тому времени решающее

влияние на культуру еврейского населения США. Идиш, остававшийся примерно 40 лет его преобладающим языком и достигший своего расцвета к концу 20-х годов, когда он начал вытесняться английским, испытал судьбу всех иммигрантских языков там⁷. «Сегодня в сефардских синагогах, основанных... в XVII—XVIII веках,— пишет в опубликованной им в 1985 г. монографии „Еврейская идентичность в Америке“ проф. Стюарт Розенберг,— преобладают ашкеназы, потомки германских и восточноевропейских евреев. И ныне на вопрос: „Кто вы?“ вам ответят — не сефард или ашкеназ, а „демократ“ (в пригородах — чаще „республиканец“). Америка стала плавильным котлом для выходцев из исторически сложившихся еврейских общин разных стран»⁸.

Иначе говоря, в отличие от большинства других этнических общностей в США, формировавшихся, как правило, из соответствующих иммигрантских групп, существующая ныне там американская еврейская этническая общность отнюдь не является осколком какой-то ранее существовавшей этнической общности; она сформировалась из нескольких иммигрантских групп, представлявших еврейские этнические общности разных стран. И одной из ее важных особенностей явилось формирование этой общности на базе английского языка, ибо приехавшие в Америку еврейские иммигранты не имели общего языка и говорили либо на идиш, либо на языках стран эмиграции (португальском, испанском, польском, русском, немецком, литовском, румынском, ладино и др.). Поэтому именно английский стал для американских евреев языком объединения. Другой важной особенностью этой этнической общности явилось отсутствие у нее ярко выраженной у большинства других иммигрантских групп ориентации на страну эмиграции. Разрыв культурных и языковых связей евреев с последней происходил, как правило, уже во втором поколении. И если эта важная ступень процесса ассимиляции иммигрантских групп обычно ускоряла их размывание, то в данном конкретном случае она, наоборот, способствовала консолидации американской еврейской этнической общности.

В 1935—1943 гг., спасаясь от нацистского террора, из стран Центральной Европы в США прибыло 160 тыс. евреев. В послевоенные годы из лагерей перемещенных лиц, а также из Польши, Румынии, Венгрии, Израиля и других стран Ближнего Востока, и ряда стран Латинской Америки, за время с 1945 по 1967 г. в США переселилось еще около 250 тыс. еврейских иммигрантов, в том числе немало сефардов⁹. Принятый там в 1965 г. новый, более либеральный иммиграционный закон и провозглашенная в 70-х годах политика «разрядки» в международных отношениях, а в 80-х годах — начатая в СССР политика «перестройки», впервые открыли возможности для сравнительно свободной эмиграции в Америку советских евреев. Всего же за время с 1948 по 1990 г. в США из Советского Союза прибыло более 177 тыс. еврейских иммигрантов¹⁰.

Но кроме советских евреев в 70—80-х годах продолжали прибывать еврейские иммигранты из стран Балканского полуострова, Азии и Ближнего Востока, Канады, Южной Африки, Латинской Америки и др. В частности, туда бежали от режима Хомейни 20 тыс. иранских евреев. В США проживают, сохраняя двойное гражданство, более 200 тыс. евреев из Израиля. Этот приток евреев-иммигрантов привел к тому, что, по некоторым оценкам, чуть ли не каждый одиннадцатый еврей в США в конце 80-х годов был относительно недавним иммигрантом¹¹.

За время с 1900 по 1960 г. еврейское население США увеличилось более чем в пять раз и составляло по разным оценкам от 5,3 до 5,5 млн. человек. Тем не менее доля его во всем населении страны, достигнув в 1940 г. почти 3,7%, затем начала понижаться и к 1960 г. сократилась до 3%. К 1970 г. еврейское население, опять-таки по разным оценкам, выросло до 5,4—5,8 млн. человек, но доля его сократилась до 2,9%. Не случайно в 1964 г. еженедельник «Лук» опубликовал под заголовком «Исчезающий американский еврей» статью, в которой предсказывалось, что из-за низкой рождаемости и ускорения процесса ассимиляции среди американских евреев к 2000 г. ожидается еще более резкое снижение доли их в населении страны¹².

Ассимиляция евреев в США была и остается болезненным и противоречивым процессом, хотя американская культура никогда не навязывалась им федеральным правительством, а скорее прививалась на каждом социальном уровне англоязычным окружением. Проблема выживания вынуждала иммигрантов говорить по-английски, перенимать общепринятый тип одежды и вообще американский образ жизни. Обязательное обучение в муниципальных школах ускоряло этот процесс. В качестве меньшинства, никогда не достигавшего даже 4% населения страны, еврейская общность в Америке всегда боролась за выживание, ибо потери, которые она несла в результате перехода некоторых евреев в иную веру, вступления их в смешанные браки с неевреями и других последствий ассимиляции, были для нее постоянной угрозой. Подстегиваемые ею и побуждаемые традиционным религиозным наследием, еврейские лидеры стремились создать самовоспроизводящую общину: сеть институтов и организаций, действующих как одно целое с тем, чтобы дать людям еврейское образование, сохранить их культуру, позаботиться о нуждающихся и выполнять другие функции, необходимые для обеспечения благополучия членов общины и преемственности ее жизни от поколения к поколению.

На развитие процесса ассимиляции евреев оказывали и продолжают оказывать влияние многие факторы, в том числе определяющая характер межнациональных отношений в обществе социальная, экономическая и политическая ситуация в США, а также культурные, в том числе религиозные и некоторые другие факторы, действующие внутри самой американской еврейской этнической общности. В частности, евреи в США оказались перед сложной дилеммой — как совместить необходимость и желание интегрироваться в социальном и культурном отношении в американское общество, то есть адаптироваться к американским нормам жизни — «американизироваться», с опасением, а порой и страхом перед тем, что, приспособившись «слишком сильно», они рискуют потерять свое отличие и исчезнуть как евреи. Эта проблема стояла и перед другими оказавшимися в Америке иммигрантскими меньшинствами, но в данном случае дело осложняется тем обстоятельством, что в отличие от других для евреев, как группы, характерен нерасчлененный комплекс (слитность воедино) этнического и конфессионального самосознания, ибо она одновременно является как этническим (еврейский народ), так и религиозным (иудаизм) меньшинством.

Спектр мнений и позиций по поводу решения дилеммы — полная ассимиляция или интеграция и сохранение своей еврейской идентичности — простирается от тех, кто настаивал и настаивает на том, что религиозные и другие традиции объединяют еврейский мир, а поэтому любые изменения являются разделяющими и потенциально разрушающими его (ибо где будет предел им?), до тех, кто рассматривает изменения (реформы) того или иного характера существенными для самого выживания еврейства. История евреев в США знает немало примеров как уступок (в том числе крупных) американскому образу жизни, оправдываемых «обычаями страны», «потребностями момента» либо стремлением к «мирным отношениям с соседями», так и категорического неприятия и сопротивления любой форме приспособления из страха быть обвиненным в «подражании образу жизни иноверцев» (не потому ли ассимиляция в истории еврейства так часто связывалась с вероотступничеством...).

Разумеется, все вовлеченные в этот старый спор обосновывали свою позицию стремлением сделать «как лучше» для евреев и американского иудаизма. Однако решить его вряд ли удастся, ибо сам вопрос о том, как достичь компромисса между требованием соблюдения в современной Америке традиций иудаизма и изменения их, на наш взгляд, едва ли поддается однозначному решению.

Как отмечалось, сефарды и немецкие евреи, оказавшиеся в Америке в XVII—XIX вв., сравнительно безболезненно ассимилировались там. С притоком же с конца XIX в. сотен тысяч восточноевропейских евреев и миллионов других иммигрантов из Европы ситуация изменилась. Да и сама Америка в XX в. стала иной — резко обострились в ней классовые и другие социальные противоречия в

общественной жизни. Растущий в первой трети XX в. антисемитизм стимулировал среди части евреев рост этноцентристских настроений, ослабив на время среди них тенденцию к интеграции и ассимиляции. К тому же многовековой опыт в качестве меньшинства наложил на определенную часть восточноевропейских евреев-иммигрантов отпечаток страха, смешанного со стремлением к самосегрегации.

Первое поколение евреев из Восточной Европы в большинстве своем долго сохраняло многие, хотя уже и не все, религиозные традиции, говорило на идиш и, проживая в «островных» этнических анклавах беднейших районов крупных городов Северо-Востока США, не только физически, но и психологически редко удалялось от своих гетто. Тем не менее культурная ассимиляция их начиналась с первых же лет пребывания в США, хотя, несомненно, процесс этот был достаточно сложным и длительным.

Второе поколение — дети иммигрантов, рожденные в США, провели свое детство и юность как бы между двумя мирами: родительским — дома, в гетто, и американским — в школе и других общественных местах. Неизбежное отторжение от культуры и языка страны происхождения родителей, приобщение к быту и культуре Америки шло у них гораздо быстрее. Они старались пользоваться всюду английским, отказывались от многого в религиозно-культурном наследии первого поколения и прежде всего от обычаев, воплощенных в традиционном ортодоксальном иудаизме. В обстановке развернувшейся тогда борьбы между ортодоксальным и реформистским течениями внутри иудаизма второе поколение в большинстве своем предпочло его новое направление, получившее название консервативного. И в этом же поколении начали разрушаться препятствия против браков между евреями — детьми иммигрантов из разных стран Европы — и перехода с идиша и других языков на английский¹³.

Заметно повысился образовательный уровень, социальный статус и жилищные условия большинства евреев второго поколения, переселившихся из трущоб в более престижные городские кварталы. Своим детям евреи второго поколения старались дать уже не только среднее, но по возможности высшее образование, а бытовым языком в их семьях все больше становился английский. В отличие от иммигрантов, озабоченных прежде всего проблемами материального выживания, евреи второго поколения смогли воспользоваться плодами относительного экономического благополучия и возросшей приспособляемости к американской социальной и политической жизни. Добиваясь реализации своих гражданских прав, они организационно, профессионально и в финансовом отношении значительно укрепили старые, а также создали ряд новых защитных организаций, заметно активизировали их деятельность и внесли решающий вклад в борьбу с антисемитизмом на том этапе¹⁴.

Третье поколение — внуки иммигрантов, в большинстве своем занятые в «беловоротничковых» профессиях и принадлежавшие к среднему классу, имели отдаленное отношение к традиционному еврейскому культурному наследию. Они воспитывались родившимися в США и уже в значительной степени американизированными родителями, имели гораздо меньше евреев среди одноклассников и соседей, чем их предки. Во второй половине XX в. удельный вес в еврейском населении лиц третьего и четвертого поколений заметно вырос. Уже в 1970 г. доля евреев иммигрантского поколения в нем не превышала 16—18%. И примерно к этому же времени завершилось смещение здесь евреев разных этнических групп и превращение их в американское еврейство¹⁵.

Евреи третьего поколения ощущали себя уже американцами и говорили только на английском, давали своим детям чаще всего английские имена, стремились обеспечить им университетское образование и значительно чаще, чем их родители, заводили себе друзей, жен и мужей неевреев. Они росли и взрослели, когда открыто агрессивный и крикливый антисемитизм в США ушел в прошлое и, поскольку они в гораздо большей мере по сравнению с родителями ощущали свою безопасность в качестве американцев, их меньше тревожила проблема

выживания, они меньше нуждались в интеграционистски ориентированной общественной жизни и не стеснялись своей идентификации в качестве евреев. Именно в этот период — в 50—60-х годах — происходило массовое переселение американского, и в том числе еврейского, среднего класса из крупных городов в пригороды, где появились новые синагоги и реформистские храмы, но большинство их прихожан появлялось на богослужении не чаще 2—3 раз в год.

В 80-х годах четвертое поколение, по свидетельству социологов, проявляет еще меньше признаков еврейской этничности, чем третье. И хотя оно сохраняет семейные узы и дружеские связи в основном все еще в еврейской среде, но значительно реже и менее активно участвует в деятельности еврейских организаций. Если большинство иммигрантского поколения в плане религиозного предпочтения характеризовалось ортодоксией, а второго поколения — консерватизмом, то в третьем и четвертом доминирует реформизм. Только хасиды и ультраортодоксы, отказывающиеся от интеграции в «большое» общество, ныне стремятся сохранять по возможности традиционный образ жизни в своих полуизолированных общинах. Иначе говоря, в растаявшемся на несколько поколений процессе социокультурной ассимиляции американских евреев происходят сложные метаморфозы, включающие как отказ от традиционных форм религиозной практики, так и развитие новых форм идентичности и ее выражения¹⁶.

Процессу ассимиляции и трансформации этнического самосознания американских евреев способствовал целый ряд объективных факторов. Так, за последние сто с лишним лет евреи, подобно другим иммигрантам и их потомкам, испытали столь характерный для Америки классический процесс концентрации, миграции, реконцентрации, рассеяния. Многие правнуки иммигрантов и их дети в 70—80-х годах вообще покидали Северо-Восточный метрополитенский регион страны, поселяясь в среднего размера городах и университетских центрах Юга и Юго-Запада. Сокращение в еврейском населении числа лиц, занятых в мелком бизнесе, и рост числа занятых в качестве дипломированных управляющих и специалистов — инженеров, архитекторов, научных работников, преподавателей высшей школы, врачей, юристов и др. вынуждал их к переселению в поисках работы и перспектив лучшей профессиональной карьеры. Способствовал этому и рост среди еврейской молодежи числа студентов колледжей и университетов. И если для первых поколений евреев в Америке были характерны прочные родственные и этнические связи, то деконцентрация расселения и географическое рассеяние означали ослабление таких связей, служивших объединяющим фактором и цементирувавшим единство первых поколений. Этим в значительной мере объясняется отмеченная многими социологами меньшая степень участия мигрантов третьего и четвертого поколений в деятельности синагог, филантропических и других организаций¹⁷.

Кроме того, переселение растущего числа евреев третьего и четвертого, а ныне уже и молодежи пятого поколения в районы с малым числом еврейских жителей ведет к расширению бытовых, профессиональных и культурных контактов их с нееврейским населением. И это, по свидетельству американского этнолога Джека Кугелмасса, уже находит все большее отражение «в языке и культуре американцев; многие слова из идиша проникли в американский английский и теперь используются в средствах массовой информации как евреями, так и неевреями. Еврейские темы и нестереотипные еврейские характеры стали обычной вещью в книгах, прессе, кинофильмах, на телевидении»¹⁸.

Важнейшие сдвиги наблюдаются и в сфере семейно-брачных отношений среди американских евреев. В частности, с каждым десятилетием повышается возраст вступления в первый брак еврейской молодежи, растет доля евреев, состоящих в браке с неевреями, доля холостяков, а также разведенных и одиночек среди евреек. Рождаемость из года в год уменьшается и остается в среднем ниже общеамериканской.

Откладывание брака на более поздний возраст наиболее характерно для молодых евреев и евреек с высоким образовательным и профессиональным уровнем.

Но эта брачная тенденция — один из факторов, понижающих уровень рождаемости. В 80-е годы число не вступивших в брак евреек 25—29 лет было вдвое больше, чем в 50—60-х годах, а темпы роста числа молодых холостяков и разведенных евреев и евреек превышали темпы прироста еврейского населения. Характерно, что доля разводов растет у ортодоксов и даже у хасидов, чего не бывало раньше. Все это вызывает растущую тревогу у раввинов и общественных лидеров еще и потому, что среди одиноких, разведенных, бездетных людей соблюдение ритуалов, участие в богослужении, деятельности еврейских институтов и организаций, а главное — степень сохранения еврейской идентичности — ниже, чем в полных семьях с обоими родителями и детьми. Но и в последних под влиянием таких факторов, как более высокий образовательный уровень молодежи и отселение ее, заметно ослабли влияние родителей на детей и солидарность между членами семьи. Тем не менее семейные и родственные связи среди американских евреев все еще, как правило, сохраняются более прочными, чем у белых протестантов и католиков¹⁹.

Ортодоксальные раввины всегда выступали против браков между евреями и неевреями, не без основания полагая, что в условиях существования в качестве этноконфессионального меньшинства смешанные браки ведут в перспективе к исчезновению еврейской общины и религии. Однако, несмотря на запреты доля таких браков среди американских евреев от поколения к поколению росла. В 1940—1950-е годы против смешанных браков высказывалось 60% опрошенных американских евреев, в 1971 г. — 41%, а к 1980 г. — только 20%. Особенно быстро, и прежде всего на Западе, доля смешанных браков выросла в 70—80-е годы среди евреев третьего и четвертого поколений. В 1940—1950-е годы в таких браках состояли 6,7% брачных пар американских евреев, в 1961—1965 гг. — 17%, в начале 70-х годов — 31,7%, а в середине 80-х годов в ряде городов до 45—50%²⁰. И если раньше в такие браки чаще вступали еврейские мужчины, ибо сыновья обычно (особенно в семьях среднего класса) имели большую свободу, чем дочери, то феминистское движение, «сексуальная революция» и современная практика социализации молодежи в США стерли целый ряд родительских и других ограничений для дочерей. А «географическая» и социальная свобода их в годы учебы и жизнь в университетских кампусах еще более способствовали тому, что в смешанные браки стали все чаще вступать девушки и молодые женщины-еврейки. Не случайно в малых и средних городах, где евреев немного, а социальная близость их с неевреями шире, доля смешанных браков значительно выше, чем в крупных городах с большим еврейским населением. Так, исследование, проведенное в 1981 г. в Денвере (Колорадо), показало, что 52% евреев в возрасте от 20 до 29 лет вступили в брак с неевреем. И хотя ортодоксальные раввины до сих пор бойкотируют смешанные брачные пары, реформистский Союз американских еврейских конгрегаций с 1983 г. признает их²¹.

В середине 80-х годов 350 тыс. американских евреев состояли в браке с урожденным неевреем и от смешанных браков имелось по разным оценкам от 400 до 600 тыс. детей. Иначе говоря, косвенно вовлечены в родственные отношения в связи с подобными браками почти 1 млн человек, а если считать и их родственников, то намного больше. Судя по исследованиям последнего времени, около $\frac{3}{4}$ матерей евреек и лишь $\frac{1}{3}$ отцов евреев в смешанных брачных парах воспитывают своих детей как евреев. И поскольку далеко не все дети от смешанных браков идентифицируют себя евреями, можно понять тревогу раввинов по поводу прогрессирующей ассимиляции подрастающего поколения²².

Большая степень урбанизированности и высокий образовательный уровень третьего и четвертого поколений американских евреев обусловили не только вступление в брак в более позднем возрасте. Многие еврейские женщины (особенно с ученой степенью и занятые на соответствующей работе) стремятся сделать личную профессиональную карьеру, что оказывает влияние как на стабильность семьи, так и на уровень рождаемости. Играет свою роль в этом отношении и падение степени религиозности среди евреев этих поколений, ибо у религиозно

активных евреев с их традиционной иудаистской культурой, ориентированной на многодетную семью, фертильность значительно выше. Во всяком случае в 50—80-е годы число детей до 5 лет на 1000 женщин в возрасте от 20 до 44 лет среди евреев было значительно ниже, чем на 1000 горожанок по стране в целом. К концу 80-х годов уровень рождаемости среди американских евреев (в среднем 1,9 ребенка на семью) был недостаточен даже для простого воспроизводства их численности²³.

Поскольку американские евреи позже вступали в первый брак и имели меньше детей, то уже в 1957 г. средний возраст еврейского населения был на 6 лет выше среднего возраста всего населения США. В 1971 г. он составлял 36 лет, в 1980 г. — 46 лет, а поскольку в 80-е годы уровень рождаемости продолжал падать, то процесс постарения американской еврейской этнической группы продолжался. И в случае сохранения подобной тенденции в обозримом будущем численность этой этнической группы, по оценке некоторых авторов-«пессимистов», может сократиться к 2025 г. до 4 млн., к 2040 г. до 3 млн, а к 2070 г. до 1,5 млн. человек. Со своей стороны «оптимисты» считают подобный прогноз преувеличением опасности и полагают, что даже уменьшение численности при сохранении евреями своей «этнорелигиозной идентификации в рамках американского общества» (С. Голдстейн) вовсе не обязательно представляет фундаментальную угрозу существованию жизнеспособной еврейской общины с высоким уровнем персональной идентичности ее членов²⁴.

Проблема уровня идентичности, т. е. степени сохранения своего еврейского этнического самосознания нынешними и будущими потомками восточноевропейских евреев-иммигрантов, тревожит религиозных и некоторых общественных лидеров американского еврейства, пожалуй, не меньше, а гораздо больше, чем его чисто статистико-демографические перспективы. В прошлом двумя главными институтами и оплотами еврейства были семья и синагога. Но растущую секуляризацию американских евреев третьего и четвертого поколений и падение влияния синагоги на их семейную и групповую жизнь отмечают почти все современные исследователи.

Что же касается семьи, то рост доли разведенных, одиночек, бездетных брачных пар и смешанных браков среди американских евреев ведет к сокращению участия членов таких семей в общинных институтах и разрыву между их семейной и групповой жизнью, а тем самым к ослаблению, «стиранию» их еврейской идентичности. Уходят в прошлое старые еврейские семейные традиции — все больше евреев четвертого и пятого поколений расширяет круг своих друзей-неевреев, поддерживают с ними личные и семейные связи. В начале 80-х годов лишь 39% опрошенных евреев сообщили, что все или почти все их ближайшие друзья — евреи. В то же время 15% заявили, что более половины их ближайших друзей — неевреи²⁵.

Еще более ощутимо и наглядно, чем в семейно-брачных отношениях, ассимиляционный процесс проявляется в сфере языка. Иммигрантское поколение, вынужденное переходить с идиша на английский, прошло стадию двуязычия, но второе поколение выросло, уже с детства освоив английский, и обычно на протяжении жизни этого поколения совершался полный переход на английский. Широкое использование идиша евреями в Соединенных Штатах длилось до 40-х годов, и за 60 лет он впитал в себя тысячи слов из американского английского языка. Но по мере ухода из жизни первого поколения еврейские театры начали постепенно терять зрителей (последний закрылся в 1945 г.), а журналы и газеты — своих читателей. Среди американских евреев идиш в 50—60-х годах стал приходить в упадок как в разговорной, так и в читательской практике. Исключение составляли лишь ультраортодоксы и хасиды. Тем не менее, по данным переписи 1970 г., родным его в США считали еще около 1,6 млн. человек. В 1980 г. этот показатель сократился до 1 180 тыс., а в 1990 г. — до 213 тыс. человек²⁶.

Переход от иммигрантской группы евреев восточноевропейского происхождения к современной американской еврейской этнической общности занял около

века. Периодические вспышки антисемитизма, вызывавшие у еврейского населения ответные вспышки этноцентризма и националистических настроений, тормозили ассимиляцию. Тем не менее уже в середине 50-х годов религиовед Уилл Херберг считал, что американская еврейская группа стала интегрированной частью американского общества, и писал, что «американский еврей теперь оказался в положении, когда он смог утвердить свое еврейство не в стороне, не вопреки своему „американству“, но именно в силу его. Иудаизм (наряду с протестантством и католицизмом.— Э. Н.) добился своего статуса в американском образе жизни, как одна из трех „религий демократии“»²⁷.

Массовое переселение еврейского среднего класса в 50—60-х годах в пригороды способствовало дальнейшему развитию процесса ассимиляции. Как признают практически все американские социологи, еврейская самоидентификация, т. е. степень осознания себя в первую очередь евреем, а затем уже американцем, в третьем и четвертом поколениях американских евреев стала значительно слабее, чем во втором. В марте 1971 г. автор статьи в еженедельнике «Ньюсуик» привел в этой связи слова 50-летнего редактора журнала из Детройта Э. Ротенберга: «Средний американский еврей хорошо вписался в американскую среду. Еврейская мать у нас, бывало, говорила сыну: „Надеюсь, ты не женишься на христианке?“. А теперь она восклицает: „Слава Богу, мой сын женился на белой девушке!“. Я полагаю, что это и есть ассимиляция». И далее автор добавлял: «По мнению Ротенберга, 90% американских евреев говорят: „Я прежде всего американец, а уж потом еврей“»²⁸. Социолог Ч. Либмэн в 1973 г. в той же связи писал, что «американские евреи уже так глубоко укоренились в американской культуре, а еврейский язык и культура были забыты до такой степени, что ощущение принадлежности к еврейскому народу оказалось неизбежно ослабленным. Они чувствуют себя в США как дома и считают, что у них гораздо больше общего с американскими неевреями, чем с евреями из других стран...» По его мнению, чувства сопричастности к мировому еврейству как народу у американских евреев стало возрождаться лишь недавно благодаря Израилю²⁹.

Однако политолог Д. Элазар, исследуя эту проблему и избегая обобщений по поводу гипотетического «среднего еврея», разделил в 70-х годах американских евреев по степени их еврейского этнического самосознания на три основные группы. Он считал, в частности, что примерно $\frac{1}{5}$ их состоит из людей, глубоко привязанных к иудаистской вере, еврейским институтам и организациям; $\frac{2}{5}$ номинально сохраняют связи с еврейством, но в синагоги и реформистские храмы ходят лишь дважды в год, по главным праздникам; и наконец, около $\frac{1}{3}$ относятся к своему еврейскому происхождению достаточно безразлично³⁰. Учитывая, что в этническом самосознании евреев элемент происхождения более тесно и глубоко связан с религиозным аспектом, чем у многих других этнических групп, Элазар использовал в качестве основного критерия именно этот аспект.

Между тем многолетние социологические исследования и опросы еврейского населения США показали, что религиозность его от поколения к поколению уменьшается. Все большая доля евреев отказывается от регулярного посещения богослужений в синагогах и соблюдения ритуальных предписаний³¹. Кроме того, как и всякая другая крупная этническая общность, американские евреи различаются между собой не только по степени религиозности, но и по своему социальному статусу, культурному и образовательному уровню, политическим взглядам. Естественно, что влияние окружающей среды и продолжающийся ассимиляционный процесс сказываются на них различно, обусловив изменения в формах выражения последними поколениями своей идентичности. Ныне она все чаще выражается не только (либо не столько) в религиозной, но и в иных формах.

Обеспокоенные раввины и некоторые лидеры еврейских общин стали поэтому все громче отстаивать принцип «интеграция без ассимиляции», поскольку последняя в перспективе ведет к полной потере евреями своей особой религиозной и этнической идентичности. В результате проблема — становятся ли уже американские евреи «больше американцами» и «меньше евреями» — породила

среди социологов дискуссию между «ассимиляционистами», заявляющими о прогрессирующей эрозии «еврейской жизни» и идентичности в США, и «трансформационистами», полагающими, что происходит не эрозия еврейской идентичности, а лишь изменения (трансформация) в формах ее выражения. В частности, ветеран американской социологии Н. Глэйзер в опубликованной им в 1985 г. статье «Еврейские предчувствия» писал: «Все меньше и меньше жизнь американских евреев определяется еврейской историей, опытом, культурой и религией. Все в большей и большей мере ее определяют современные, существующие ныне реальности американской культуры, американской политики и общепринятой американской религии. На будущее это означает, что евреи выживут и, вероятно, даже будут продолжать идентифицировать себя как евреев. Но их еврейская идентичность будет определяться вовсе не обычаями и верой или верностью им»³².

Включившись в развернувшуюся дискуссию, автор ряда исследований по проблемам американских евреев Стивен М. Коэн опубликовал в 1988 г. новую монографию под названием «Американская ассимиляция или еврейское возрождение?», в которой показал, что простых ответов на этот вопрос жизнь пока не дает. В то же время, опираясь на анализ результатов проведенного в начале 80-х годов крупного социологического исследования состояния еврейского населения Нью-Йорка и его обширной пригородной зоны, С. Коэн составил типологическую таблицу идентификации этого населения. В ней характеризуется по различным параметрам степень его участия в религиозной, общественной и культурной практике местных еврейских общин. Исходя из этих критериев, таблица делит еврейское население на пять категорий.

1. «Соблюдающие» — соблюдают все шесть избранных ритуальных предписаний; связаны с общинными институтами и организациями; супруги и друзья — евреи. Составляют 10% населения.

2. «Активисты» — соблюдают меньше ритуальных предписаний (но обязательно празднуют Пасху, Хануку, Йом Кипур); имеют разную посуду для молочной и мясной пищи; активно участвуют в общинной жизни, члены синагоги и еврейских организаций; читают еврейскую прессу; участвуют в поддержке Израиля и благотворительности; супруги и почти все друзья — евреи. Составляют 17%.

3. «Участвующие» — участвуют в некоторых формах общинной жизни; соблюдают 4—5 ритуалов (в том числе три указанных праздника); имеют разную посуду; принадлежат хотя бы к одному еврейскому институту или организации; супруги и друзья — евреи. Составляют 49%.

4. «Праздничные» — соблюдают по крайней мере Пасху и Хануку; не принадлежат к еврейским институтам и организациям. Составляют 15%.

5. «Неактивные» — обычно ритуалов не соблюдают (иногда — Пасху); ни к одному еврейскому институту и организации не принадлежат; часто состоят в смешанном браке; большинство друзей — евреи. Составляют менее 10%.

Конечно, подобного рода классификация неизбежно условна (тем более, что Большой Нью-Йорк, хотя там и проживает более трети американских евреев, еще не вся страна), тем не менее, объединив категории «соблюдающих» с «активными», а «участвующих» с «праздничными», можно условно рассматривать более четверти (27%) американских евреев как глубоко вовлеченных в еврейскую жизнь, а около двух третей (64%), или большинство их, как более или менее значительно в нее вовлеченных. Иначе говоря, хотя определенная часть (главным образом молодых, но не только) евреев по различным причинам отвергают иудаизм и отказываются от формального вступления в местные еврейские общины, это отнюдь не дает основания говорить о полном отказе большинства позднейшего поколения американских евреев от ритуальных и многих других форм выражения своей еврейской принадлежности³³. «Хотя евреи хорошо интегрированы в американскую культуру,— констатировал в 1988 г. директор Центра еврейских исследований Университета Брэндейса Д. Тобин,— они сохранили свои кварталы, солидарность и культурные институты. Они свободно

действуют в двух мирах — смешанном с неевреями, где, пользуясь всей совокупностью социальных, политических и экономических условий, они живут, работают, учатся в школах. В то же время существует отдельный мир со своими еврейскими институтами, организациями, средствами массовой информации и отношениями дружелюбия»³⁴.

Современная американская еврейская этническая общность в основном состоит из трех позднейших поколений родившихся в США американских граждан еврейского происхождения, отличающихся от прочего населения спецификой этнического самосознания, ролью иудаизма как этнической религии, некоторыми особенностями психологии, культуры, традиций, семейного быта, расселения. Специфической чертой этой общности является высокий уровень развития и массовая база этнических институтов и организаций, а также влияние еврейской крупной буржуазии на политику местных и федеральных властей. Подавляющее большинство американских евреев отличают устойчивое групповое самосознание, чувства симпатии к людям своей этнической общности и солидарности с ними, ощущение неразрывной связи с ее историческими судьбами.

Однако ныне как в материальной, так и в духовной сфере жизни значительной части американских евреев преобладает американская культура и ее ценности, ибо американская еврейская этническая общность — составная часть гетерогенной североамериканской нации. Но именно поэтому для американской еврейской этнической общности и для некоторых других этнических либо этнорасовых групп и общностей в США характерна амбивалентность этнического самосознания, т. е. «двойная идентичность», включающая как «еврейский», так и «американский» компоненты.

Подводя итоги, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что одной из важнейших особенностей американской еврейской этнической общности является неразрывный комплекс этнического и религиозного самосознания. Однако тенденции социально-демографического развития этой общности — размывание ее пролетарских и мелкобуржуазных слоев наряду с деконцентрацией расселения — способствовали ослаблению религиозности позднейших ее поколений, т. е. опять-таки уменьшению роли «еврейского» компонента в пользу «американского» в их этническом самосознании. Во всяком случае большинство евреев четвертого и пятого поколений уже настолько «американизированы», что потеряли всякую связь с восточноевропейской еврейской культурой иммигрантского поколения.

Примечания

¹ Birmingham S. The Grandees: America's Sefardic Elite. N. Y., 1971. P. 53—59; Baer J. The Self-Chosen: Our Crowd is Dead. N. Y., 1982. P. 50—57; 236; Davidovicz L. S. On equal terms. Jewish in America, 1881—1981. N. Y., 1982. P. 167; Нутобург Э. Л. История формирования еврейской общности в США//США. Экономика, политика, идеология. 1994. № 5. С. 22—32.

² Grinstein H. B. Short History of Jews in the United States. L., 1980. P. 13; Feuerlicht R. S. The Fate of the Jews. N. Y., 1983. P. 71; Rosenberg S. E. The New Jewish Identity in America. N. Y., 1985. P. 52.

³ Herberg W. Protestant — Catholic — Jew. N. Y., 1956. P. 187—191; Cohen S. M. American Modernity and Jewish Identity. N. Y., 1983. P. 28; Libman C. S. Ambivalent American Jew. Philadelphia, 1973. P. 49—50.

⁴ Zweigenhaft R. L., Domhoff G. W. Jews in the Protestant Establishment. N. Y., 1982. P. 11; Rosenberg S. E. Op. cit. P. 54.

⁵ American Jewish Experience. N. Y., 1986. P. 120—122; Rosenberg S. E. Op. cit. P. 54—59; Baer J. Op. cit. P. 54—55; Grinstein H. B. Op. cit. P. 88—90.

⁶ Herberg W. Op. cit. P. 193—194.

⁷ Ibid. P. 195—196; Steinmetz S. Yiddish and English: a Century of Yiddish in America. Alabama, 1986. P. 16—21.

⁸ Rosenberg S. E. Op. cit. P. 44.

⁹ The Jewish Communities of the World. L., 1989. P. 175; Davidovicz L. S. Op. cit. P. 126; Steinmetz S. Op. cit. P. 154.

¹⁰ Innovation 1991. V. 4. № 3/4. P. XIV, 2, 6, 103—106, 111.

¹¹ The Jewish Communities of the World. P. 182; Rosenberg S. E. Op. cit. P. 265; Baer J. Op. cit. P. 238.

¹² The American Jewish Experience. P. 296; American Jewish Year Book. N. Y., 1986. V. 86. P. 219—222.

¹³ Herberg W. Op. cit. P. 198—200, 202—203; Cohen S. M. Op. cit. P. 20.

- ¹⁴ *The Jews, their history, culture and religion*. N. Y., 1960. V. 2. P. 1716—1717; *The Ghetto and Beyond*. N. Y., 1969. P. 43; *Cohen S. M.* Op. cit. P. 42—43.
- ¹⁵ *American Jews. A Reader*. N. Y., 1979. P. 99—100. *Cohen S. M.* Op. cit. P. 48.
- ¹⁶ *Davidovitz L. S.* Op. cit. P. 132—133; *Zweigenhaft R. L., Domhoff G. W.* Op. cit. P. 7; *Cohen S. M.* Op. cit. P. 44—45, 63, 172.
- ¹⁷ *Cohen S. M.* Op. cit. P. 99, 102, 108—112; *American Jews*. P. 84, 86, 89, 100.
- ¹⁸ *Between Two Worlds*. Ethnographic essays on American Jewry. Ithaca, 1988. P. 3.
- ¹⁹ *Ethnicity and Race in the USA: toward XXI century*. 1985. P. 119, 122; *Ethnic families in America*. Elsevier, 1976. P. 362—363, 367; *Rosenberg S. E.* Op. cit. P. 71, 120—121, 270—271; *Cohen S. M.* Op. cit. P. 21—22, 115—117, 125—127, 174.
- ²⁰ *Mayer E.* *Love and Tradition. Marriage between Jews and Christians*. N. Y., 1985. P. 7, 48; *Cohen S. M.* *American Assimilation or Jewish Revival?* Bloomington, 1988. P. 26—27; *Zweigenhaft R. L., Domhoff G. W.* Op. cit. P. 14.
- ²¹ *Cohen S. M.* *American Modernity...* P. 122—123; *idem.* *American Assimilation...* P. 27; *Rosenberg S. E.* Op. cit. P. 132—133, 269—270.
- ²² *Mayer E.* Op. cit. P. 10, 56, 105, 156; *Cohen S. M.* *American Modernity...* P. 123; *Rosenberg S. E.* Op. cit. P. 268; *Ethnicity and Race in the U.S.A.* P. 125—126; *Телушкин И.* *Еврейский мир*. Иерусалим; Москва, 1992. С. 27, 332, 364, 377.
- ²³ *American Jews*. P. 68—69; *Cohen S. M.* *American Modernity...* P. 118—119; *Телушкин И.* Указ. раб. С. 377.
- ²⁴ *American Jews*. P. 102—103, 116, 118; *Rosenberg S. E.* Op. cit. P. 268.
- ²⁵ *Cohen S. M.* *American Modernity...* P. 116, 124; *Between Two Worlds*. P. 5; *Rosenberg S. E.* Op. cit. P. 267, 269.
- ²⁶ *Steinmetz S.* Op. cit. P. 22—29, 31—39; *Grinstein H. B.* Op. cit. P. 82; *Statistical Abstract of the USA — 1993*. Wash., 1993. P. 51.
- ²⁷ *Herberg W.* Op. cit. P. 213.
- ²⁸ *Newsweek*. 1971. I—III. P. 47.
- ²⁹ *Liebman C. S.* Op. cit. P. 98.
- ³⁰ *Newsweek*. 1971. I—III. P. 47.
- ³¹ *Cohen S. M.* *American Modernity...* P. 2, 49, 74—75, 78, 97, 172; *idem.* *American Assimilation...* P. 49—50, 106; *Ethnicity and Race in the U.S.A.* P. 119, 123, 124.
- ³² *Cohen S. M.* *American Assimilation...* P. 58.
- ³³ *Ibid.* P. 56—57, 96—100.
- ³⁴ *Tobin G. A.* *Jewish perceptions of Antisemitism*. N. Y.; L., 1988. P. 14.

USA: «The disappearing American Jew»? Integration or assimilation?

The author considers the formation, in the XIX—XX century USA, of the Jewish ethno-confessional community, whose main body is composed of the descendants of the East European Jewish immigrants. Examining various aspects of the process of integration and the following socio-cultural assimilation through which several generations of the immigrants have gone, the author characterizes the resulting significant shifts in the ambivalent ethnic consciousness of the American Jews.

E. L. Nitoburg

© 1995 г., ЭО, № 4

С. С. Михайлов

ФОРМИРОВАНИЕ АССИРИЙСКОЙ ОБЩИНЫ В МОСКВЕ В 1918 — НАЧАЛЕ 1920-х годов

Переписью 1989 г. в Москве было зафиксировано 3196 ассирийцев, хотя по оценочным данным их в столице не менее 5—6 тысяч. Как видно из этих цифр, московские ассирийцы не относятся к числу крупных этнических диаспор столицы России, однако этноним «ассирийцы» довольно хорошо знаком не одному поколению москвичей и ассоциируется, как правило, с занятием чистой обуви, кото-